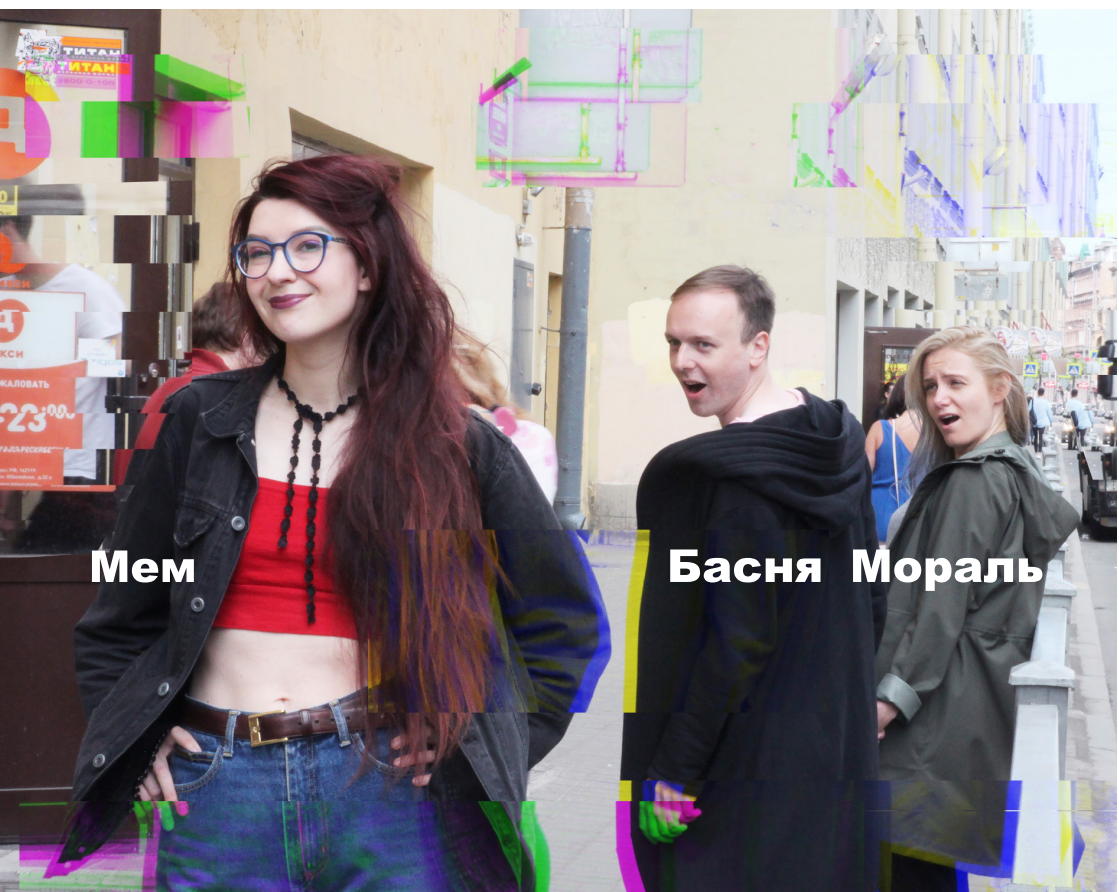

Июнь 2018

Молоко Ежевика Молодость

Бюллетень
Школы
Вовлеченного
Искусства

Мем

Басня Мораль

Над выпуском работали

Выпускающий редактор:

Борис Конаков

Технические редакторы:

Борис Конаков

Василина Кошалина

Юлия Шашкова

Дизайн и верстка:

Инесса Шилло

Кейт Сейдел

Редколлегия:

Настя Денисова

Леля Нордик

Вероника Ивашкевич

Борис Конаков

Василина Кошалина

Любовь Ракета

Кейт Сейдел

Антонина Стебур

Ваня Шатравин

Дмитрий Щербаков

В номере:

Тематические тексты

Почему басни? (Цапля Ольга Егорова)	<u>2</u>
Басня без муки (отчет о кулинарном шоу в ДК Розы от 07.06.2018)	<u>5</u>
Современная проблематика басни (Сергей Фионогин)	<u>9</u>
Когда говорят животные (Оксана Тимофеева)	<u>12</u>
МЕМ 2030 (Борис Конаков)	<u>14</u>
Партия и паблик (Кейт Сейдел)	<u>16</u>

Описания проектов

Р-рейв революция (Инесса Шилло и Антонина Стебур)	<u>18</u>
Сеть басен Дикси (Коллектив авторов)	<u>20</u>
Чек ИНН и Привычные покупки (Юлия Шашкова)	<u>22</u>
99. Супермаркетный мем соблазна (Аша Мализ)	<u>24</u>
Пояснительная записка о котице	<u>26</u>
Вся власть воображению (Настя Денисова и Вика Рыскина)	<u>27</u>
Ваня Шатравин-Достов	<u>28</u>
Анастасия Бергалевиц	<u>29</u>

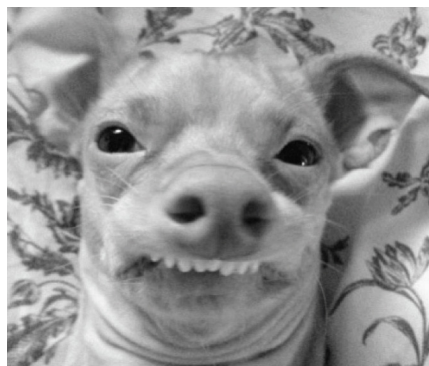
Почему басня?

Цапля
Ольга
Егорова

Июнь 2018

Молоко Ежевика Молодость

Никто сейчас не рассказывает басен — еще в античные времена их использовали, в основном, как методическое пособие для молодых риторов, а теперь их можно найти только в книжках для детей. Это и понятно, потому что обычно басня в легко доступной форме рассказывает нам о том, что такое хорошо и что такое плохо. А что может быть скучнее? Правда иногда, на протяжении истории, басня возрождалась: например, у нас, в Советском Союзе, басни были очень популярны, потому что в них показывалось, как должен вести себя настоящий советский человек. В них была нужда, потому что было не очевидно, что такое настоящий «советский человек». Или во времена Просвещения, когда выстраивались правильные отношения между Государством и Гражданином. Вот тогда они и были нужны. А сейчас нет. Потому что мы и так все хорошо знаем. Или, точнее говоря, не знаем. Откуда может взяться басня в мире, где никто ни в чем не уверен? Где на все можно посмотреть со многих точек зрения, и все они будут правильные. Или не правильные. И это не имеет большого значения. Поэтому басни только для детишек. А мы, взрослые, свободные люди, дойдем до всего своей головой. Или все-таки не своей? А что, если басни не исчезли из нашей жизни, а просто теперь по-другому называются? Кто и как теперь учит нас тому, что такое хорошо и что такое плохо?

Вот такие примерно размышления, легли в основу нашего проекта, посвященного парку [*Пидеон Ареас в Афинах, где группа «Что Делать» участвовала в фестивале. Прим.ред*]. Потому что, как ни крути, а любой парк — это проекция рая на земле, а значит, как бы он ни был запущен, он содержит в себе идею правильно (идеально!) организованного пространства, правильного отношения человека и природы, человека и человека, идею идеального общества. То есть, гуляя по парку, мы не только переходим с тенистой аллеи на залитую солнцем лужайку, мы участвуем в гармоничном распределении света и тьмы, сквозь которое просвечивает правильный баланс хорошего и плохого, и, шире, добра и зла.

Но иногда, под влиянием жизненных обстоятельств, этот баланс разрушается, и тогда появляется Пидеон Ареас в его сегодняшнем состоянии — пространство, готовое взорваться от внутренних противоречий: темное наползает на светлое, чистое на грязное, прекрасное на ужасное. Как вернуть в парк гармонию? Может быть басня с ее способностью сложное делать простым поможет нам в этом? Мы решили попробовать сконструировать басню специально для этого парка, основываясь исключительно на его собственной реальности.

Вспомним, как устроена басня. Обычно она состоит из двух частей: первая часть — это поучительная история, а вторая — это мораль, которая ее обобщает и делает выводы. Мы постарались следовать этой классической структуре.

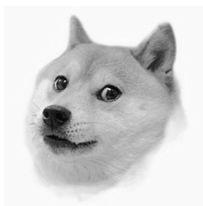
Первый вопрос, который встал перед нами: кто будет рассказчиком поучительных историй? У нас был большой выбор: Афина, гордо парящая над парком; скамейка, на которой драг дилеры торгуют героином; забытый бюст с Аллее героев; одна из уток, давным-давно покинувшая парк, и еще многие другие. Но мы решили: пусть это будет Маврула.

Маврула — это бездомная собака, живущая в парке. Вы наверняка встречали ее — она слегка хромает и у нее пышные бакенбарды, похожие на дреды растафара. Никто лучше нее не знает парка — она обнюхала каждый его уголок своим носом. Как все собаки и бездомные, Маврула не особенно задумывается о прошлом и будущем. Ее интересует только настоящее, но зато про него она знает все самое главное: в каком мусорном бачке самые прекрасные объедки, где работает кран с водой, где можно поваляться на солнышке, а где получить пинка. Она знает, сколько раз в день появляется полиция, чтобы сгонять наркоманов с насиженных мест и когда приходит ее подруга, бездомная женщина Мария. Словом, Маврула — лучший кандидат в рассказчики, поскольку имеет свежий взгляд на ситуацию в парке, и мы не сомневаемся, что ее истории будут в высшей степени увлекательными. Однако, будучи собакой, Маврула не сильна в обобщениях. Так откуда же появится в нашей басне мораль?

Мораль всегда произносится с позиции такого знания, которая предполагает правоту говорящего. Это привилегированная позиция, которая также предполагает и присвоение того, о чем она говорит: я знаю, и, стало быть, обладаю. То есть тот, кто обладает знанием того, что такое хорошо и что такое плохо, держит в своих руках символическую власть. Отсюда следует, что вопрос о том, кто будет представлять мораль в наших баснях совсем не праздный, а вполне политический. Поэтому мы решили, что моралей у наших басен должно быть много. Из всего спектра возможностей мы выбрали три, на наш взгляд, наиболее показательные, и назвали их так: Историческая мораль, Экологическая мораль и Экономическая мораль. Каждая из них представляет собой особенный взгляд на прошлое, настоящее и будущее не только парка Пидион Ареас, но и всего греческого общества. Историческая мораль рассматривала рассказы Маврулы как возможность конструирования национальной идеи, Экологическая — как пример сосуществования всех живых и неживых организмов, а Экономическая — как инструмент для возможного извлечения прибыли.

Сейчас, когда мы пишем эти строки, мы еще не знаем, как сложатся в наших баснях отношения истории и моралей. То, что мы готовим — это живой перформанс, развитие которого будет зависеть от многих обстоятельств. Однако мы не ожидаем, что эти отношения будут легкими: живая реальность, иногда, пытается сопротивляться простым обобщениям, а три Морали, скорее всего, не захотят уступать друг другу полноту символической власти.

В заключение мы бы хотели добавить кое-что о зрителях нашего проекта. Если вы хотя бы иногда посещали Пидеон Ареас и видели там Маврулу, то не исключено, что Маврула видела вас, а это значит, что, при определенном стечении обстоятельств, вы сможете узнать себя среди героев наших басен. То есть у вас всегда есть возможность из зрителей превратиться в участников. На что мы и рассчитываем.

Басня без муки

7 июня в ДК Розы прошел кулинарно-дискуссионный эксперимент «Басня без муки». Спикеры не просто обсуждали актуальность и границы басни сегодня, ее возможности, перспективы и пределы использования в поле современного искусства, но и готовили ужин.

Сама по себе басня — это очень гастрономический жанр, а совместное приготовление и поглощение пищи объединяют. В такой перформативной дискуссии спикеры и эксперты вместе со зрителями пробовали басню на вкус в буквальном смысле этого слова.

Спикеры:

Цапля Ольга Егорова

Борис Клюшников

Сергей Фиогин

Василина Кошалина

Эксперты:

Александр Скидан

Алла Митрофанова

Нина Гастева

Дмитрий Виленский

Леля Нордик

Дмитрий Голышко

Модераторы:

Антонина Стебур

Борис Конаков

В процессе обсуждения спикеры приготовили четыре блюда, символизирующие четыре басенные стратегии.

Первая

Стратегия примирения или басня со снятием. Цапля: «Басня, как мы помним, часто предлагает какой-то конфликт. И самый известный конфликт — это конфликт лебедя, рака и щуки. Но мы сделаем блюдо о великом примирении в этой басне».

Вторая

Стратегия столкновения или негативная диалектика басни. Борис Клюшников: «Как известно, басня пытается примирить каким-то образом, но в результате насильственного примирения двух сторон, возникает блюдо, которое нельзя съесть».

Третья

Стратегия соединения или басня с опытом достоверности. Сергей Финогин: «Продукты в басне всегда символизируют какие-то позиции или пороки. Но сами они не являются носителями той истины, которая приходит в конце басни, они все как бы вне ее. Но вместе соединившись, они эту басню порождают».

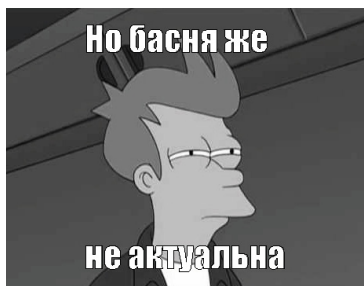
Четвертая

Классическая басня. Василина Кошалина: «Это историческая встреча сыра и винограда».

Ниже мы публикуем выдержки с кулинарно-дискуссионного эксперимента «Басня без муки».

Леля Нордик:

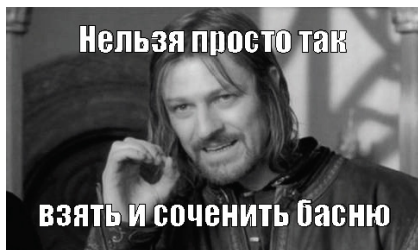
Когда нам в Школе вовлеченного искусства дали задание сделать басню, мне и еще нескольким студентам это задание показалось очень сложным. Потому что для меня басня воспринималась как что-то очень архаичное и очень скучное, и было довольно сложно как-то это осовременить, как-то это применить сейчас. И вопрос морали был как раз самый сложный, потому что очень сложно взять на себя ответственность говорить огромному количеству людей, что такое хорошо, что такое плохо, и ставить вообще вопрос о новой морали. Но в конце концов мы в группе нашли определенное решение, как уйти от басни, взяв от нее все лучшее, но при этом войти в современность. Потому что очень сложно работать с классическим нарративом, универсальностью морали. И в какой-то момент нас осенило, что в определенном смысле басня сегодня — это мем. Потому что это более короткое, более яркое визуальное изображение, которое сразу дает тебе и нарратив, и мораль.

Александр Скидан:

Тут очень важно понимать, басня связана с тем, что некие знающие, жрецы, ученые или властители, учителя транслируют нормативное знание непросвещенным, малым сим — детям, женщинам, животным и прочим угнетенным. И они их просвещают. Это особенно заметно при переходе от античной модели басни к просвещенческой. (...) Тогда в эпоху Просвещения возникает нормативное представление о том, что есть некое разумное устройство мира, вселенной, управления человеческим обществом, а есть неразумие, безумие или какие-то черты характера, которые не позволяют этой нормативной модели прийти. И басня высмеивает, выставляет напоказ эти дурные качества человеческого общежития, конкретно типических персонажей. Это возможно именно благодаря тому, что существует представление о разуме и о норме.

Вот с этим, когда мы переходим в современность, есть большие проблемы, потому что послевоенная немарксистская теория учит нас ставить под сомнения именно нормативы разума, модели традиционной семьи, общественной иерархии и т.д. И с дидактическим нарративом в басне возникают проблемы. И встает вопрос: как возможно развитие этой модели сегодня?

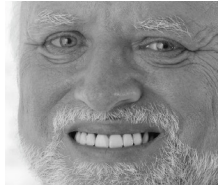
Алла Митрофанова:

Я как всегда из такого технологического дискурса. Есть старая дискуссия между нарратологией и методологией. Мы закручиваем вокруг себя и лепим себя через нарратив или игру? В басне есть то же самое. И это способ в современной ситуации, когда нам не хватает связей, спрятаться, создать такой маленький мир. Мне кажется, что басня и есть не столько расширение императивное, сколько попытка задать вот это маленькое существование, объективировать себя. В некотором смысле я поняла обращение к басне — это попытка деконструировать и рассмотреть: каким образом устроена сегодня самоупаковка. А поскольку в баснях есть животный уровень и уровень социальных, семейных и прочих отношений, мы видим сразу и методологию, и нарратологию.

Ольга Егорова (Цапля):

Басня устроена очень понятно: есть рассказ и есть мораль, то есть нам басня рассказывает, что такое хорошо и что такое плохо в доступной форме, но если вы в процессе рассказа не поняли в чем, собственно говоря, дело, то вам сверху нахлобучивают мораль. И тут начинаются две линии, которые довольно-таки разные. С одной стороны, если нам говорят, что такое хорошо, что такое плохо, то значит, нас просто хотят научить, как быть хорошим членом общества. В принципе, басня всегда просвечивает отношения между человеком и обществом: каким человек должен быть в этом самом обществе? Басня выстреливает тогда, когда строится модель хорошего гражданина: в античности, в классицизме, в советское время. С другой стороны, перед нами возникает прекрасная возможность поиграть с этой нормой, которая выстраивается между человеком и государством, человеком и идеологией, человеком и общими местами. И здесь мы можем субверсировать, как мы хотим, исследовать, как мы хотим. И басни, хоть они и не популярны сейчас в нашем обществе, все равно пронзают его насквозь. Это все общие места, которые высвечиваются следующим образом: ты сейчас не правильно делаешь, потому что так непринято, потому что соседка этого не одобрит и т.д.

vs

Борис Ключников:

Есть один момент в басне, на котором я стою, я сам придумал такое определение как «банальная стратегия». И я развиваюсь в режиме банальной стратегии. И для меня банальная стратегия — это попытка переоткрыть эти самые банальные утверждения, правила или мотивы заново, но в их же банальном отношении. И мы видим, что в современной философии банальность атакуется. Мы даже знаем, что многие философы боятся быть банальными, специально выстраивают свои такие контр-интуитивные концепции, чтобы избежать этой банальности. (...) Но мне кажется, эту боязнь ситуации раздвоенности необходимо преодолеть. Преодолеть ее, как я думаю, можно благодаря некоторой тактической интерпретации басни. И она заключается в том, чтобы сказать банальность, но вовремя и учитывая трансформацию собственного опыта. Другими словами, когда вы говорите какую-то мудрость, когда вы говорите банальность, на самом деле, вы не делаете акцент на том, что вы говорите, а вы, скорее, обнажаете собственное место, из которого вы то или иное высказывание производите. И банальность, на мой взгляд, именно этим и интересна: она подчеркивает ваше нынешнее состояние, ваше нынешнее отношение к тому, что складывается. И мне кажется, что, если мы будем использовать эти банальные стратегии, и если мы будем критиковать этот страх перед банальностью, то мы можем каким-то образом вернуться к ситуации басни, но при этом решить те конфликты, те проблемы, которые формируются в критике мудрости. То есть мудрость, как нечто выведенное из собственного опыта, как вишенка, там поговорка сверху. Если удастся сплести личный опыт и высказывание, то тогда это действительно имеет смысл.

Современная проблематика басни

Сергей Финогин

Sergey Finogin

10:55 AM

я написал текст про басни но я ничего не написал про мемы потому что я не понимаю как про них писать, более того считаю это вредным. потому-что острота басни как я показал в своем тексте как раз заключается в ее обманчивой несовременности, и привязывать ее к мему который ультра современен, тем самым басню как бы легитимируя мне кажется совершенно не нужным

Бросается в глаза и не зря, что самым проблематичным и будто бы делающим жанр несовременным оказывается то, что во всякой басне присутствует неснимаемый дидактический аспект. Аспект этот в современности выглядит как классическая претензия на инстанцию истины, и, как следствие, на нравоучение, морализаторство, «обучение жить» и так далее. То, что именно этот аспект делает басню столь проблематичным жанром, можно обосновать через сравнение с другим иносказательным жанром — притчей. Притча, как и басня, по сути рассказ о структурах — об над-индивидуальных отношениях и модусах существования, которые во взаимодействии порождают смысл, но притча не заканчивается дидактикой и оказывается плюралистически открыта навстречу интерпретации, а значит многозначности. Эта открытость притчи обеспечивает ей свободную циркуляцию в современности. В разных формах искусства мы видим массу притч.

Парадоксальным образом видеть в басне сгущение современных проблем, именно через то, что современность басню выталкивает и не дает ей место — это задача, которую поставили перед нами тьюторы «Что Делать». И выясняется, что не зря, ибо, пользуясь языком психоанализа, можно сказать, что вытесняемое указывает на то, что подспудно работает и формирует отношения.

Генеалогия басни уходит в Античность, после почти исчезновения в Средневековье она снова возрождается в Новое Время. Ранний его период, Возрождение, как известно, переоткрывал Античность очень активно. Это время, когда стала возможна секулярная художественная речь вне институциональной религии и вне власти. Появилось новое легитимное место, из которого можно было высмеивать, обнажать, подтрунивать, язвить с той целью, чтобы обличить не истинное, не разумное, порочное и невежественное в противоположность обратному. Историческое появление в Новое время новой морали, которую теперь принято называть «классическим гуманизмом», создало основания для той инстанции истины, через которую обосновывается дидактика басни.

В современности тот, кто претендует говорить с позиции истины, выглядит, мягко говоря, проблематично. Тогда, когда он думает, что он классически учреждает истину, он на самом деле публично исповедается — оповещает мир, что в его психике дела устроены вот таким вот образом. Этим он в каком-то социологическом смысле формирует реальность, но совсем не в том, в котором претендует. Происходит это от того, что в современности истину не во что упереть, нечем обосновать. Но так ли плюралистична современность?

С ранних лет нас погружают в дидактику. Можно сказать, что дидактика и плюрализм повсеместны и, будучи противоположными по смыслу парадоксальным образом, одинаково нормативны. Плюрализм предстает как этическое обоснование невозможности говорить с позиции истины, потому, что такая речь тоталитарна и консервативна. Когда в любом споре произносится «это только твое мнение», это лом, против которого нет приема. Место, из которого это говорится, это и есть инстанция истины в современности, единственная роль которой отсекает всех, кто претендует за своей речью иметь нечто большее, чем частное мнение. И все же с ранних лет мы слышим о том, как правильно и как неправильно, это говорится будто бы с позиции «здорового смысла», здесь дидактика обосновывается тем, что за ней стоят почти что законы природы, которые странно и опасно игнорировать. Мы, люди прожженные и пытливые, понимаем, что даже во времени после «больших рассказов», когда Бог умер и нет тоталитарных политических систем, идеология — это то, что учреждает социальность и дает ей возможность быть. Прокручивание дидактики основано на рудиментах идеологии, и это нормально и естественно. Здесь мы можем ввести здоровое неомарксистское различие — бывает идеология, которая отделяет нас от того, что мы можем, которая отчуждает нас друг от друга и от самих себя, но стремимся мы, разумеется, к обратному — к контрпроизводству реальности, которая, если будет учреждена, неизбежно будет носить признаки идеологии. Конвенциональное как то, что защищает нас от нечеловеческого, необходимо, и оно изначально внеположно сознанию. Значит для сознания оно предстает в форме языка = идеологии.

Вторая фигура подспудной истины в современности — это цена. Обостряя, можно сказать, что имплицитная нормативность сегодня — «цена объективна, все остальное — мнения», это истина, обоснованная числом, дурной бесконечностью, которая свидетельствует о провале того миропонимания, в котором все связано со всем и предстает как целое. В силу определенных исторических причин стало невозможно удержать и обосновать целостность, и главной учреждающей процессы мира явной реальностью стала реальность денег, а значит, цены. Итак, в современности число производит в основном цену, и мы не созываем собрание, не требуем менеджера или священника или судью, когда приходим в магазин и видим цены. Если подумать, поступить так было бы вполне здраво, пользуясь хотя бы идеей господствующего плюрализма — почему такое число, а не другое? Но мы не ставим это под сомнение и тут подспудная инстанция истины в виде «объективных рыночных отношений» снова проявляет себя.

Итак, мы видим, что басня с ее структурным подходом к существованию и производству из него дидактического элемента уже не так несовременна, как было увидено первоначально. Басня способна поймать мир на его скрытой дидактике, сиречь, подспудно работающей идеологии, которая неуловима, ведь формально в западном человечестве идеология закончена.

Второй сущностный аспект басни — это продавливание консенсуса и статуса quo альтернативной истиной, которая будет упираться не в классические инстанции, а в эмпирику, которая окажется убедительной для каких-то сообществ. Можно сказать, что эмпирика любого неравенства и несправедливости может быть так символически и художественно подана, что она произведет такую эмоциональную захваченность и эмпатию, что выводы из нее не будут ставиться под сомнение. Такой способ производства истины, которая, если мы ее строго отличаем от классической истины, оказывается постистиной, дает основания для дидактического финала басни. Итак, басня альтернативно продавливает реальность и проявляет скрытое в ней.

Можно сказать, что стратегии современной эмансипации могут быть представлены в двух видах, если очень упростить. Первый вид — акселерационистский, по сути классически модернистский, в которой самоданный ум производит то, что мы называем «техническим прогрессом», который в свою очередь производит сознание, которое на каком-то этапе своего разгона лишится необходимости господствовать, или трансформирует это господство во что-то альтернативное. Это классический позитивистский подход, в котором дидактика басни может быть представлена как то, что напоминает о смысле и его удерживает. И смысл этот оказывается всегда связан с тем, что мы никогда до конца не гуманисты, по сути он на этом положительным образом зациклен.

И вторая стратегия — это романтическая шизо-утопия. Во многом культурная стратегия, в которой методы пародии, субверсии, уклонения, насмешливого проявления разных сторон реальности играют решающую роль. Методы, которые производят альтернативные сообщества, которые путем своего разрастания изнутри целого претендуют это целое менять. Здесь форма басни предстает как то, что перестраивает чувственность — обманывая априорные ожидания, подсовывает неожиданный вывод, связывает разнородное, синтезируя его в ироничной дидактике.

Ваш Сергей Финогин

Когда говорят животные

Оксана Тимофеева

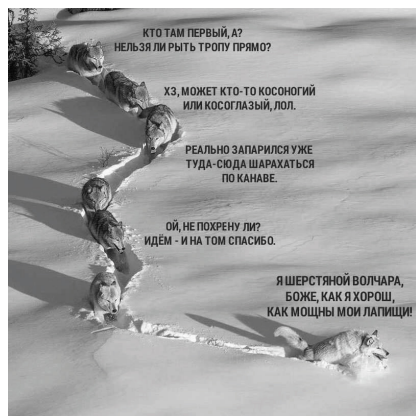
Людвиг Витгенштейн писал, что, если бы лев умел говорить, мы бы не понимали его. Лев — это другая форма жизни, он живет совсем не в том мире, в каком живем мы, у льва свой мир и свои способы его постижения и чувствования. Нам со львом никак не найти общего языка.

Однако же мы знаем ряд примеров, когда животные говорят, причем говорят на человеческом языке, и мы их понимаем. Животные говорят в сказках, в баснях, в мультфильмах и мемах, а также в наших снах (в моих снах со мной говорят мои животные).

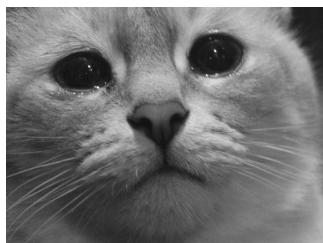
Чем отличаются эти типы говорения?

Сказка — наиболее архаичный жанр из тех, в которых животным дано слово. Сказка происходит из мифа, и в ней животные и люди встречаются, общаются, вступают в дружеские или семейные отношения, помогают друг другу и говорят на одном языке. Можно полюбить медведя и жить вместе с ним, можно оседлать волка и умчаться с ним в другую страну, можно поцеловать лягушку или превратиться в козленка. Иногда животные выступают вестниками или посредниками сакрального мира. Люди в сказках не венец творения, они все еще язычники, они часть животного мира.

Басня представляет собой наиболее классическую форму, но здесь животные, можно сказать, утрачивают самостоятельность и выступают за людей. Басня — это сцена, на которой животные — изображающие людей актеры. Причем это именно классический, игровой театр. Животные разыгрывают роли, играют в людей. Играть — это ведь что-то очень звериное; бесконечность животного миметизма подчиняется здесь устойчивому нарративу, в центре которого практическая философия, или мораль. Любопытно, что, если бы в баснях люди говорили сами за себя, практическая и дидактическая ценность этого жанра была бы нулевой. Нужно, чтобы говорили именно звери, они учат нас жить. Мораль, которую несут животные из басен, отличается от идеологии и навязываемых властью клише. Чаше животные учат простым вещам, тому, что у нас зовется мудростью. Из уст человека это бы прозвучало как банальность, мы бы не поверили. А зверь как бы впервые высвечивает мудрую мысль. Подумайте сами: если даже конь заговорил, значит, надо прислушаться, это важно.

В мультфильмах животные говорят как дети. Вспомним, что дети не проводят четкого различия между собой и животными. Вместе с говорящими мультяшными зверьми дети обитают в анархической игровой вселенной, где все более или менее равны.

В мемах животные улыбаются (собака-улыбака) и плачут (плачущий кот), и часто говорят с ошибками, как рабочие-мигранты. Звери из мемов расщепляют стандартизованную грамматику человеческого языка, и в этом им помогают умные машины. Такие мемы составляют ассамбляж животного и машины, благодаря которому транслируется язык угнетенных. Кант писал, что обезьяны лишь притворяются, что не умеют говорить, так как если бы мы узнали, что они говорят, мы бы заставили их работать. Коты из мемов тоже понимают, что мы можем заставить их работать — и, посредством машинного ассамбляжа, говорят нам на ломаном языке о том, что у них лапки.

Что общего между говорящими животными в сказках, баснях, мемах и мультфильмах?

Во всех случаях мы имеем дело с проявлениями тотемизма, который никуда не делся, хотя и давным-давно перестал быть основой нашего мировоззрения. Говорящие животные были и остаются нашими тотемами, которые нашли себе место в игровых и творческих практиках, но главное — в нашей душевной жизни (в наших снах). Посредством животных с нами говорит наше бессознательное. Но бессознательное говорит именно так, что мы его не понимаем, как Витгенштейн не понимает льва. А если бы поняли, нам бы, возможно, это не понравилось. Этот язык исковеркан, груб, похож на бормотание, он весь состоит из ошибок и оговорок. Так через инстанцию самоцензуры к нам пытается пробиться вытесненное.

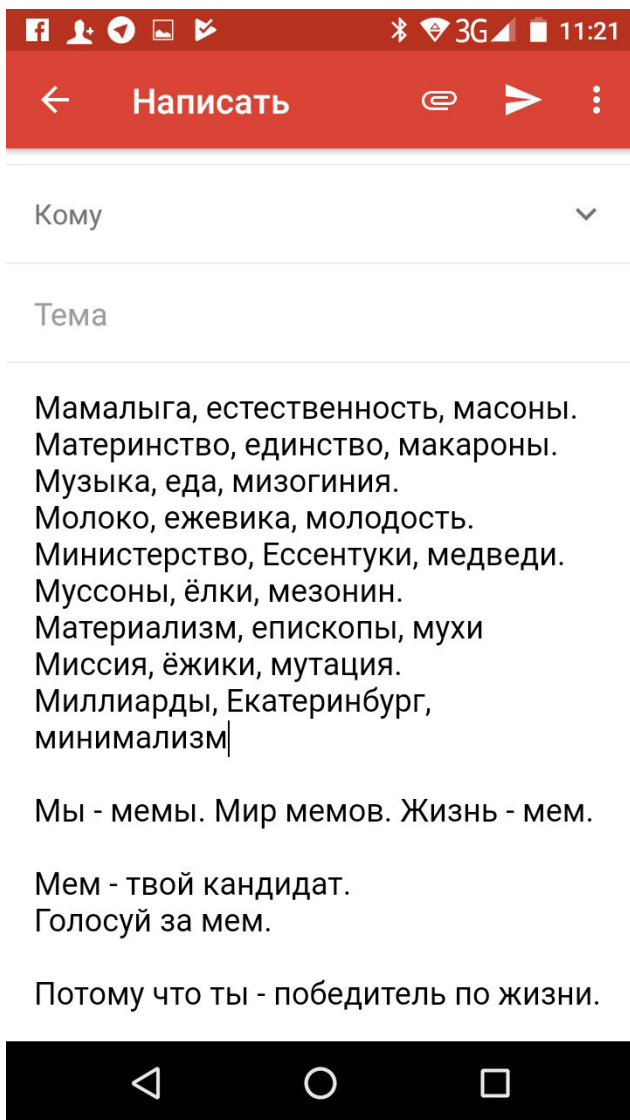
Что говорят животные? — Правду. Они не умеют врать.

МЕМ 2030

Борис Конаков

Июнь 2018

Молоко Ежевика Молодость

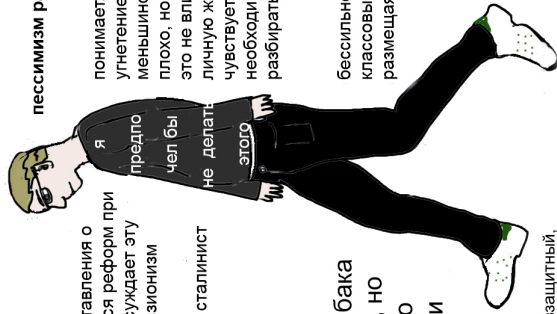

MEM

2030

Девственник-тролль

прочел разрушительную критику буквально всех левых организаций и группировок на форуме, значит не нужно ни к кому примыкать

пессимизм разума

не имеет представления о том, как добиться реформ при капитализме, осуждает эту борьбу как ревизионизм

я понимает, что угнетение меньшинств—это плохо, но поскольку это не влияет на его личную жизнь, не чувствует необходимость разбираться в нем

зато он не сталинист

отрекся от мусорного бака идеологии, но голодает по философии практики

политически беззащитный,

подвергается ударам текущих событий и переживает потерь

готов "захватить мемасы производства" (seize the memes of production), но соединяться с другими пролетариями он способен лишь на основе общего малопонятного субкультурного дискурса

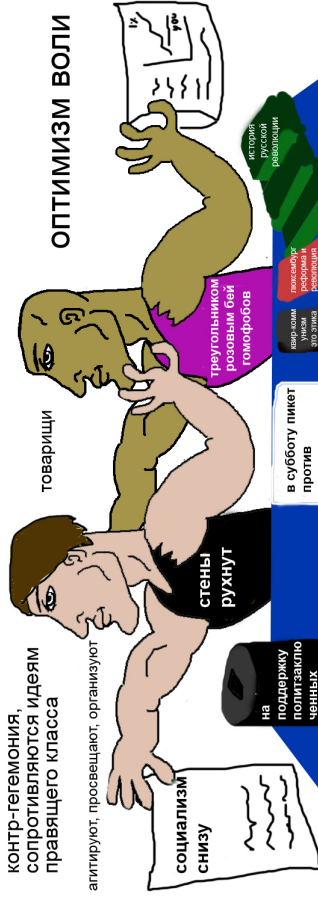
ЧЭДЫ-ТОРГОВЦЫ ГАЗЕТ

не стесняются продавать газеты, т. к. им нечего терять кроме своих целей

работают там, где есть масса

совмещают анализ текущих событий с историческими знаниями о социалистической стратегии

контр-гегемония, сопротивляются идеям правящего класса

товарищи

ОПТИМИЗМ ВОЛИ

агитируют, просвещают, организуют

на поддержку политзаключенных

в субботу пикет против домогательств

шпаргалки по теории марксизма

поскольку работа не приносит радости

история русских революций

треугольником розовым бай гомофобов

бессильно сублимирует классовый resentment, размещающая мемасы про гулаг

применяют умение общаться, приобретенное во время продажи газет, в работе с профсоюзами и социальными движениями

узнают пересечения взаимовозпроизводящихся форм угнетения и эксплуатации в жизни прохожих, отвечают сочувствием и солидарностью

не держат свет под ступодом, способствуют лично общаются с трудящимися из всех слоев самосвобожждению рабочего класса общества

Партия Кейт Сейдел и паблик

Несколько замечаний по поводу резкого роста страниц, посвященных социалистической мем-мысли с 2016 г. (кампании Берни Сандерса в родных для автора США)

← Мем «девственник и Чэд» (мужское имя, в употреблении «невольно воздерживающихся» от секса реакционных обывателей интернета означающее мужчину, с которыми все женщины готовы трахаться) представляет собой доведенное до абсурда противопоставление двух персонажей. В этом случае сравниваются авангардный мемописец и уверенные в себе, накаченные активисты с листовками и революционной литературой. Шутка рассчитана на тех, кто действительно занимается такой организационной работой — обычно не чувствуешь себя Чэдом под косыми взглядами прохожих.

3 При анализе преимуществ мемов, необходимо исходить из их социальной функции, а не из каких-то представлений о безусловном технологическом преимуществе новых медиа. Распространение мемов, например, не учит подробно пропагандировать, т. е. слушать собеседника-работницу, выявлять и отвечать на вопросы, как это делает намного более неловкий опыт раздачи листовок и газет.

1 Мем — эффективный способ политической агитации, т. е. приведения кратких аргументов, лозунгов, разоблачений противоречивого содержания «мусорного бака идеологии». Формат легко воспроизводится и адаптируется под различные контексты (паблики).

← В начале фильма «Киногид извращенца: Идеология» философ Славой Жижек истолковывает странный отрывок из триллера 1988 г. «Чужие среди нас» словами, ставшими богатым источником мем-контента: «Я уже и так постоянно ем из этого мусорного бака. Имя ему — идеология.»

2 Поскольку их появление связано со стихийным подъемом, популярные политические мемы-страницы часто бывают несектантскими (в хорошем смысле): страницы друг друга перепостят, знакомят зрителя с широким подбором революционеров и теоретиков. Однако страницы редко являются примерами сочетания принципиальности с умением сотрудничать с другими организациями. Критический характер мемов может переходить в цинизм и «левизну» (любая реально существующая организация или деятельность глупая), или их общепопулярный характер, в неразборчивый (все варианты одинаково хорошие).

Р-рейв революция

Инесса Шилло
Антонина Стебур

Однажды голуби услышали
неизвестный громкий звук
и резко разлетелись.

Так и нынешняя молодежь,
улетая на рейве,
не знает свою силу.

Рейв-движение в России возникло именно в Петербурге в конце 80-х годов и, так или иначе, имело сильные связи с акционистским движением конца 80–90-х годов. В 2010-х годах рейв-вечеринки снова появляются в северной столице. Одновременно с этим молодые люди выходят на улицы и площади города, чтобы опротестовать существующее положение дел. В своей работе мы исследуем функционирование и взаимосвязь революции и рейв-вечеринок.

В качестве центральной метафоры проекта выступает образ голубя. Голуби — это самые массовые городские птицы, они скапливаются вместе в огромных количествах, однако их собрания не стабильны и норовят расстаться от любой, даже мнимой, опасности, а не противостоять ей. Голубь в работе «Р-рейв революция» — это символ молодых жителей Петербурга, которые не осознают свою силу.

Видео представляет собой коллаж из документации рейвов, митингов, разгонов шествий и полетов голубей в Петербурге. Склеенные в одно, эти, на первый взгляд, случайные и несопоставимые кадры начинают работать как единый нарратив. Движение голубей в городском ландшафте напоминает движения танцующих на рейве и протестующих.

Лекция-перформанс начинается с новостного сюжета на Рен-ТВ о борьбе с голубями в Петербурге, а заканчивается большим хором на Дворцовой площади. Более 500 человек в 2017 году исполнили песню И. Дунаевского «Летите голуби, летите». Будучи вырванными из телевизионного контекста, эти два события выступают метафорой напряженных отношений между молодежью и официальными властями, отношениями официальной власти к любым формам спонтанного захвата и заполнения публичных пространств, будь то митинги, шествия или рейвы.

Фоном всей работе идет читка введения к книге Джудит Батлер «Заметки к перформативной теории собрания» и техно-музыка, которая погружает зрителя в атмосферу рейва. В конце видео участники и зрители поднимают транспаранты с изображениями голубей. Рейв превращается в политическую акцию.

Сеть басен Дикси

Реклама
1 rub.

Над проектом работали:
Андрей Андреев
Антон Виноградов
Вероника Ивашкевич
Борис Конаков
Василина Кошалина
Аша Маилз
Аглая Олейникова
Кейт Сейдел
Юлия Шашкова
Дмитрий Щербаков
 составитель описания:
Дмитрий Щербаков

В параллельной реальности спальных районов, куда не ступает нога обеспеченных классов, в сети универсамов Дикси ежедневно разворачивается скучная рутинная жизнь. Плачущие дети, животные на привязи, периодические скандалы и хамство, всеобщая хроническая усталость — вот реальность вселенной Дикси. Лишь позитивный взгляд способен усмотреть в универсамах Дикси проявление демократизма — всех объединяющий ритуал бытового потребления, поиск комфорта в умиротворяющей рутине повседневности. Коллектив авторов ШВИЧД'18 решил представить свою собственную интерпретацию этих реалий в формате сети басен, которые помогут по новому взглянуть на привычный процесс похода в универсальный магазин.

Для этой цели художники перестроили пространство галереи в ДК Розы, превратив его одновременно в квест и в тотальную инсталляцию, напоминающую хаотичный интерьерный лабиринт магазинов Дикси. Зрители перемещаются по так называемой сети басен Дикси, где в каждой зоне они сталкиваются с определенным нарративом, отсылающим к басенной форме.

Басни или басни-перформансы, по которым происходит перемещение посетителей сети, раскрывают широкий спектр тем: от общества потребления до противостояния власть-народ в контексте Петербурга эпохи экономического кризиса.

Голодная гусеница (Кейт Сейдел) ползает по лабиринту, жадно поглощая продукты и товары по акции. Гусеница обеспечивает сохранность цепи экономических отношений деньги — товар — деньги (дикси — ты — дикси), но при этом оказывается вынужденной постоянно откладывать сроки собственного превращения в бабочку. В интерпретации Бориса Конакова классическая поэма-триллер «Медный всадник» спустя почти 200 лет становится басней. В борьбе с цунами из непризнанных гениев, ежегодно обрушивающихся на Петербург, Медный Всадник уже бессилён. Загадочный посетитель Евгений одержим манией преследования: ему везде мерещится Медный Всадник, который в этом перформансе оказывается простым собирателем прилипал.

В басне Андрея Андреева идет размышление о санкциях, передаче Исаакия РПЦ и экономическом кризисе с позиций объектно-ориентированной онтологии. В этой работе прилавок с французским сыром, большой и маленький пакеты и другие неодушевленные вещи обретают способность к демократическому обсуждению и насильственному решению судьбы общественной собственности.

Другая басня (Василина Кошалина) исследует взаимоотношения власти и народа, сопоставляя басню Эзопа «Дикие Козы» и подготовку к ЧМ 2018. У Эзопа жадный пастух старается заслужить любовь диких коз, подкармливая их из запасов своего стада. Кстати, Иван Крылов сделал свою версию этой басни, что указывает на актуальность этого сюжета в русской истории.

Кошка — один из популярных басенных персонажей. Анонимная, хаотичная мимикрия блуждающей котницы, исследующей пространство Дикси, — очередная попытка побеседовать о том, что важно побывать в «чужой шкуре». Зачастую поведение кошек кажется людям bestолковым, непонятным, агрессивным, иррациональным. Это перформанс-самоисследование через игру с телом и одновременно исследование пространства.

Экономим в Дикси- отдыхаем заграникси

ДИКСИ

Просто. Радом. По-соседски.

— Мяу!

Одновременно с прохождением лабиринта сети зрители видят на стенах кассовые чеки (Юлия Шашкова). Тонны чеков — отходы общества потребления, которые в обычной жизни прячутся по нашим карманам, на прилавках и улицах, оставляя следы нашего присутствия и засоряя среду.

Возможность по-новому увидеть рутинные процессы или осознать хаос петербургской жизни периода экономического упадка — эти и другие размышления, или морали, как их называют в баснях, могут стать итогом этого необычного квеста.

Чек ИНН

Юлия Шашкова
в рамках Сети басен Дикси

Июнь 2018

Молоко Ежевика Молодость

Чеки попадают к нам каждый день. Иногда мы берём их в руки и прячем в кошелёк. Иногда сминаем и выкидываем. Но чаще всего они остаются на прилавке, чтобы потом всё равно отправиться в мусорную корзину.

Но это только иллюзия, что мы избавляемся от них. Ведь термобумага практически не подлежит переработке.

Эти маленькие белые бумажки прямоугольной формы с идеально гладкой поверхностью. Мы игнорируем то, что они загрязняют среду и незаметно маркируют наше потребление.

Токсичный компонент Бисфенол-А возникает, когда из кассового аппарата появляется чек.

Он оставляет послания, которые никому не нужны.

РН КТТ

ЗН КТТ

ИНН

Нефискальный документ

Терминал №

Кассир

Кассовый чек приход

Товаров в чеке

Итого

Оплата

Сумма НДС 18%

Введён правильный пин-код

Подпись клиента не требуется

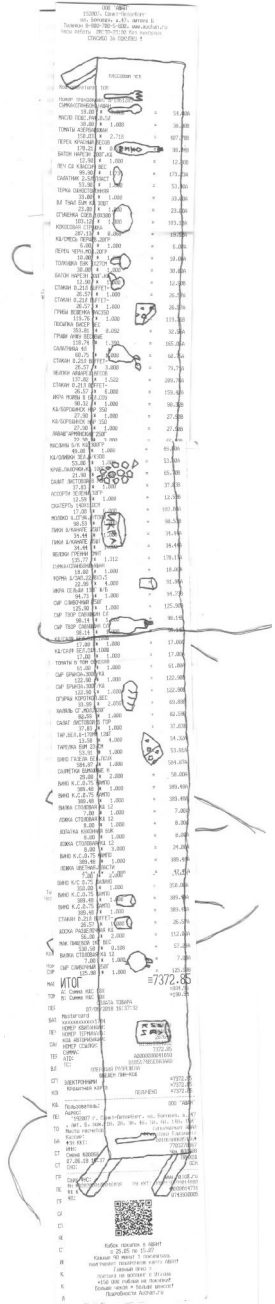
Подпись кассира

Спасибо за покупку

Бисфенол-А любит незаметные и стремительные игры. 5 секунд и через кожу 0,2-6 мкг попадает в кровь.

Бисфенол-А любит мимикрировать. Под женский гормон эстроген.

Бисфенол-А имеет представление о норме. Переносимая дневная доза человека — 2982 мкг в сутки.

Привычные покупки

Юлия Шашкова
в рамках Сети басен Дикси

Пакет молока

Взвесить немного фруктов

Вспомнить, что закончился чай

Упаковка яиц

Любимые конфеты

Не забыть про овощи

Обычно я покупаю продукты одной и той же компании, одного производителя. Я знаю упаковку, которая мне нужна. Иногда я вчитываюсь в состав и ищу срок годности.

Я не осознаю в действительности формы ключа, его текстуру, цвет, температуру.

Если я постоянно хожу в один и тот же магазин, то я выучиваю месторасположение всех продуктов. Я автоматически подхожу к нужным полкам. Всё равно, что знать, какой ключ отпирает дверь в подъезд, отсек или входную дверь в квартиру.

Я не замечаю, как приглушённо зашумят листья чая, если потрясти пачку. Или как похрустывает пищевая плёнка на упаковке от яиц. Или какой матовой испариной покроется пакет молока, когда немного полежит в корзине.

Я пытаюсь отыскать ещё.

99. Супермаркетный мем соблазна

Аша Маилз

в рамках Сети
басен Дикси

Июнь 2018

Молоко Ежевика Молодость

Соблазн — это всегда соблазн зла.
Жан Бодрийяр

Девяносто девять — это не сто. И даже не единица.

Девяносто девять — это всегда нехватка, незавершенность.

Девяносто девять — это соблазн, обещание.

Пачка чая за 99 так притягательна.

Круглое не привлекает. Оно кажется слишком лаконичным. Нам не за что зацепиться.

Мы чувствуем себя лишними.

От 30 до 65% всех розничных цен оканчиваются на цифру 9.

Мы хотим скидку. Дайте скидку. И рубль верните.

Мы не хотим подчиняться.

Мы читаем слева направо. Просто 1, 99 для нас 1, а не 2, и все тут. Это они так думают.

А мы думать не хотим вообще.

Идеальный мир — большой супермаркет, где все по 99. Бери, потребляй.

Это мир-загадка. Консервы. Игральные карты. Ведерко и лопаточка. Набор ножей. Ситечко. Три пары носков. Каска. Лак для ногтей. Зеркало. Устройство для лепки пельменей.

Две девятки объединяют необъединяемое.

Две девятки чертовски искушают.

Две девятки тебя хотят. Прямо здесь и сейчас. Отыметь. Лишить воли.

Две девятки пришли тебя подчинить.

Две девятки — супермаркетный мем соблазна.

Когда вы встречаете число 99, вы должны проявить силу духа. Данное число послано вам как испытание, дабы проверить силу духа. Число может влиять на людей по-разному, но его сакральное значение — это вызов, испытание. Вы должны прийти к новому пониманию жизни, открыть ниспосланную вам истину. Кроме того, число 99 имеет два уровня, что говорит о способностях Индиго. Владея этим числом, человек может управлять миром и гармонизировать любое пространство.

из Тайного Нумерологического Знания

Снимок немецкого фотографа Андреаса Гурски «99 центов» был продан в 1999 году за 3,34 млн. долларов. Фотография изображает ряды супермаркета, в котором все по 99 центов. Это — современный мир изобилия, где все обесценилось, где все заменяемо, все по одной цене. Это — равенство всех форм, свобода выбора. Это — искусство.

Однажды мы войдем в большой супермаркет, где все произведения искусства по одной цене. Где они бесценны и в то же время ничего не стоят. Где все по 99.

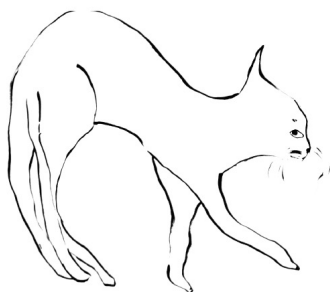
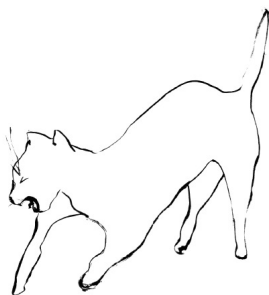

Пояснительная записка о котице

в рамках Сети басен Дикси

Июнь 2018

Молоко Ежевика Молодость

абсолютно бессодержательная пояснительная записка. здесь не дается описаний того, о чем многие знают. например, «кошка, которая гуляет сама по себе» — изречение известное со времен басен эзопа, пресловутое, из далекого детства, наполненное всеобщим отроческим недопониманием. и с тех же времен застрявшие в памяти морали из прочтенных знакомыми, родственниками, нянями из детсада и школы поучительных басен...и как же вести себя в обществе теперь? так вот кошкины усики проникают всюду бесцеремонно, но не бессмысленно, не неразумно, не необдуманно. всегда есть стратегия, даже если заключается она в том, чтобы не следовать намеченному пути.

по желанию: понаблюдайте, расскажите историю? найдёте сходства с текстом, смыслом, моралью в последующей басне? такое возможно?

пояснительная басня: прошла кошка мимо дикси. очень заинтересовали ушки на желтом пакете прохожего. хвост хитрицы зацепил. кошка вернулась через десять лет. рыжий цвет манил. кошка бродит по городу теперь, заходит в магазин. [прокрастинационный эскапизм. заманивающий капитализм.]

Вся власть воображению

Настя Денисова
Вика Рыскина

ТИЗЕР:

Поверженные укротители и чокнутые беспредельщики!

Кобылица Белых ночей!

Разгадка Сфинксов!

Поэзия на улицах!

Скоро, скоро, скоро!

Всех персонажей объединяет навязчивая идея поднять Россию с колен.

Они изменяют своей природе памятников, немых свидетелей происходящего и через эту перемену обретают свободу.

РЕПЛИКА 1, КОНЬ МЕДНОГО ВСАДНИКА, медный конь медного Петра, сбрасывающий яйца и Петра и оказывающийся КОБЫЛИЦЕЙ, которой есть, что рассказать.

КАРТИНКА ДЛЯ ЗИНА:

на фоне белой ночи

мы видим отдельно

постамент медного всадника

рядом самого бронзового медного всадника на спине, застывшего вверх руками и ногами

лужицу с яйцами экс-коня у постамента

чудесную совершенно КОБЫЛИЦУ, вставшую на дыбы

бывшая седлом шкура развевается крыльями за её спиной

ЗМЕЯ, перекусившая уздечку, уползает в сторону кремля

бабл: «Феминизм или мазохизм!»

РЕПЛИКА 2, СФИНКСЫ: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!»

РЕПЛИКА 3, СОБАКА ПАВЛОВА: «Счастье — это новая идея!»

РЕПЛИКА 4, КОНИ КЛОДТА, четверо: «Мы танцуем вместе, мы сражаемся вместе!»

РЕПЛИКА 5, ЧИЖИК-ПЫЖИК: «Россия будет свободной!»

Ваня Шатравин-Достов

Июнь 2018

Молоко Ежевика Молодость

К одному из интенсивов было задание написать басню. Полный трэш, как мне показалось. Сейчас я уже так не думаю, полный трэш — то, что происходит сейчас. Заниматься баснями никто не хотел и никто не понимал, почему это вообще может быть интересно. Актуальность формы могла быть обоснована только тем, что эта форма была в тот момент интересна тьюторам. Я подошел к выполнению этого задания самым простым способом: забил. Ну, то есть я думал, что сделаю позже, но в итоге, конечно, забил. Думал, все будет хорошо, следующий интенсив — следующее задание. Но на следующем интенсиве тьюторы сообщили нам, что в качестве финальной семестровой работы мы опять пишем басни. Басни-перформансы. Басни-лекции-перформансы. В цирке (уже нет).

Тут не получилось забить, пришлось подгонять под форму проект, который был бы мне действительно интересен. Сначала это была двухэкранная видеоинсталляция, которая называлась «моя тревога». У меня был один день чтобы снять видео для небольшого фестиваля. Я встал с утра и просто начал снимать все что происходит. Тревога — то, что я ощущаю почти постоянно. Я хожу по комнате по кругу. Включаю музыку, выключаю музыку. Пью кофе, курю. Лежу на диване, сижу в кресле. Смотрю в окно, за окном голуби. Они за мной следят, когда я их замечаю, улетают. Я снова хожу по комнате. Потом выхожу на улицу. Мой дом расположен в очень интересном месте: если я хочу пойти в сторону «таврика», у меня есть два варианта: Шпалерная или Чайковского. Если пойдете по Шпалерной — придете к ФСБ. По Чайковского — к ГУ МВД. Я выбрал другой путь, пошел дворами в ту же сторону, к Литейному. Уперся в ворота, посмотрел в щель. Там маршируют солдатики. Я пошел за шавермой, по пути обнаружил огромное количество камер наблюдения. В шаверме камера смотрела прямо в мою тарелку. Я вернулся домой. Услышал за окном звук истребителя (мне потом стало сниться, что я смотрю в окно, а там вдали взрывы, небо красное). Их было много, то один за другим, то группами. Низко, прямо над моим домом.

Второй экран — «мораль», компьютерный монитор, показывающий как могла бы выглядеть слежка за мной. Записи камер наблюдения, передняя камера телефона, камера ноутбука, личные данные из фейсбука, выписки со счетов, запись экрана. Для семестровой я изменил формат, вместо маленького экрана теперь стоит компьютер, где открыты все мои личные данные, которые я смог собрать, в том числе отрывки видео. Зритель может копаться в них сколько угодно, может выбрать отрывок и распечатать его на принтере, потом положить в одну из папок, лежащих на столе.

У меня закончился лимит слов.

Анастасия Бергалевич

Проект посвящен переосмыслению игры властного дискурса в городском пространстве. Город переосмыляется через предложенные траектории движения. Игра с объективацией движущегося предлагается через символы, наводняющие городское пространство.

|| ||

|| | _

